

Семья и семейные отношения эвенков в сказках о чудесных детях

Виктория Мыктазарбековна Джолдошева,
ассистент Департамента образовательных технологий в русской и зарубежной филологии Школы педагогики Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: fatima2009_99@mail.ru

Татьяна Владимировна Краюшкина,
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: kvtbp@mail.ru

В статье на материале эвенкийских сказок, близких к сюжету 707 *Чудесные дети*, рассматриваются семья и семейные отношения как значимый компонент комплекса духовно-нравственных ценностей. В сказке «Монгун» представлена полигиния как формат брачных отношений. Причиной конфликта между жёнами является зависть: муж отдаёт предпочтение первой жене, именно она говорит о своей способности родить золотого сына. Вторая и третья жёны пытаются убить ребёнка. Изгнанная мужем жена встречает своего сына, зло наказывается смертью. В сказке «Сила материнского молока» говорится о трёх сёстрах, которые мечтают о будущем замужестве. Женой становится та из них, которая обещает родить трёх сыновей. Её завистницы-сёстры крадут первого и второго младенцев, муж избавляется от жены и младшего, якобы родившегося слабым, ребёнка. Мать и её дети воссоединяются, зло наказывается одиночеством. Сделаны выводы о том, что указанные сказки могут быть расценены как источник, зафиксировавший в художественной форме семейные реалии эвенков, что подтверждается этнографическими сведениями о семье и семейном быте данного народа первой половины XVIII — начала XX в. При этом текст конкретной сказки является своего рода оттиском, на котором запечатлены те или иные этапы эволюции семейных отношений эвенков и пути разрешения семейных конфликтов.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, многожёнство, брачные отношения, фольклор эвенков, сказки эвенков, чудесные дети.

Family and Family Relations of the Evenks in Fairy Tales of Wonderful Children.**Victoria Dzholdosheva**, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: fatima2009_99@mail.ru.

Tatiana Krayushkina, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: kvtbp@mail.ru.

The paper, based on Evenk fairy tales close to the plot of 707 Wonderful Children, examines the family and family relationships as a significant component of the complex of spiritual and moral values. The fairy tale "Mongun" presents polygyny as a form of marital relations. The cause of the conflict between the wives is envy: the husband gives preference to the first wife, who claims the ability to give birth to a golden son. The second and third wives try to kill the child. The wife, expelled by her husband, reunites with her son, and evil is punished by death. The fairy tale "The Power of Mother's Milk" is about three sisters who dream of getting married. The one who promises to give birth to three sons becomes the wife. Her envious sisters steal the first and second babies, the husband gets rid of his wife and the youngest, allegedly born weak child. The mother and her children are reunited, and evil is punished by loneliness. It is concluded that these tales can be regarded as a source that artistically recorded the family realities of the Evenks, which is confirmed by ethnographic data on the family and family life of this people from the first half of the 18th until the early 20th centuries. At the same time, each fairy tale text is a kind of an imprint reflecting certain stages of the evolution of the Evenk family relations and ways of resolving family conflicts.

Keywords: family, family relations, polygamy, marital relations, Evenk folklore, Evenk fairy tales, wonderful children.

Художественное творчество каждого этноса бережно хранит традиционные представления о человеке и окружающем его мире, социальных институтах и значимых событиях истории целого народа, разных групп или отдельной семьи, передаёт комплекс духовно-нравственных ценностей. Особенность отражения того или иного явления зависит как от жанра, в котором оно реализуется (речь идёт об установке на вымысел или о воспроизведении — с фольклорной точки зрения — действительности), так и от времени и условий создания или заимствования, от усвоения этносом и возникновения многочисленных вариантов того или иного фольклорного произведения, сюжета, мотива. Согласно общеизвестному мнению, человечеству в целом и народам конкретного государства в частности присущ идентичный комплекс духовно-нравственных ценностей. Его составляют категории, формирующие мировосприятие каждого народа. Эта установка — одна из важных скреп многонационального общества.

В Указе Президента Российской Федерации «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (от 9 ноября 2022 г., № 809) содержится перечень традиционных ценностей народов России: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [27, с. 4].

Несмотря на общее внешнее сходство духовно-нравственных ценностей, каждому народу присуще их индивидуальное осмысление и восприятие. Формирование комплекса данных компонентов напрямую связано с развитием конкретного этноса, особенностями его взаимодействия с соседями, вероисповеданием. Необходимо отметить, что и сами компоненты комплекса претерпевали изменения под воздействием перечисленных факторов. Устное народное творчество в той или иной мере (с присущим обозначенному явлению художественным осмыслением действительности) транслирует пути и этапы эволюции духовно-нравственных ценностей. Одна из задач гуманитарной науки — выявление закономерностей, характерных взаимодействию и взаимовлиянию этноса и представлений о нём в словесном искусстве. С этим связана актуальность темы исследования.

Сказка, развивающаяся на протяжении столетий, в полной мере отразила этапы эволюции такой ценности, как семья. В указанном жанре представлены и формы существования семьи, и модели семейных отношений, и особенности взаимодействия родственников или свойственников друг с другом и с людьми, не являющимися членами семьи. Очевидно, что каждый народ имеет как схожие с другими этносами, так и отличные черты развития семьи и семейных отношений. В этом плане показательно обращение к теме семьи в фольклоре одного из коренных народов России — эвенков. Оно позволит увидеть не только национальные особенности в осмыслении общечеловеческих ценностей, но и пути эволюции семейно-брачных форм и семейных отношений.

Исследователи эвенкийской сказочной прозы и фольклора обращались к изучению мифологических истоков сказки [2; 3] и её жанровой специфики [11], осмыслению структуры и семантики [1; 8], сюжетного и мотивно-образного фондов [4; 5; 14; 30; 9], значения сказки в этнопедагогике и педагогике [7; 18; 21]. Семья и семейные отношения неоднократно становились предметом исследования на материале сказочного фольклора других народов [15; 22; 23; 12]. Л.Е. Фетисова, рассматривая повествовательный фольклор

дальневосточных эвенков, охарактеризовала семейные отношения, представленные в сказках [28, с. 129—152].

В работах, посвящённых эвенкийской сказке, затрагивался такой тип культурного героя, как мать-прапородительница [2, с. 66; 3, с. 41; 14, с. 212]; говорилось о значимости рода для эвенков [2, с. 64]; упоминалось о добывании жены [4, с. 6], о традиции экзогамных браков [2, с. 64], о борьбе родов и братьев с иноплеменниками, о мести героя за убитых родичей, о спасении похищенных сестёр [2, с. 64, 65, 65, 65], о моделях поведения мужа и жены, в том числе и в опасной для семьи ситуации [1, с. 15; 2, с. 65]. Обращалось внимание и на причины конфликтов внутри семьи. Так, С.В. Колесников, анализируя эвенкийские сказки, приходит к следующим выводам: «Бытовые сказки часто рассказывают о сложностях в семейной жизни и путях решения конфликтов» [14, с. 211]. При этом отношения мужа и жены, родителей и ребёнка на материале эвенкийских сказок прежде предметом особого изучения не становились. В этом заключается новизна исследования.

Цель статьи — выявление комплекса представлений о семье и семейных отношениях в эвенкийских волшебных сказках (на примере сказок на сюжет, близкий 707 *Чудесные дети*). Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определить особенности многожёнства у эвенков, характеристики мужа, жены и ребёнка, специфику взаимодействия жён между собой, отношений между родной матерью и ребёнком, отцом и сыном, жёнами отца и ребёнком от другой жены, однополыми сиблингами. Причиной обращения к сказкам на данный сюжет является его популярность в мировом фольклоре.

«Исходя из особенностей в языке, материальной и духовной культуре, эвенков принято делить на два крупных территориальных подразделения — западных и восточных» [13, с. 4]. К числу восточных эвенков относятся забайкальские и дальневосточные. Ограниченный объём статьи позволяет обратиться к анализу только двух сказок: «Монгун» и «Сила материнского молока», — зафиксированных на территории Забайкальского Севера. Обращение именно к перечисленным сказкам имеет и практическую составляющую. Одним из авторов этой статьи, В.М. Джолдошевой, в выпускной квалификационной работе, практическим результатом которой является создание рабочей тетради для учащихся 5—6 кл., на основе сказок, записанных М.Л. Пинегиной [24], составлены практические задания в рамках национально-регионального компонента изучения «Забайкаловедения». Эти тексты сказок и задания нацелены не только на знакомство с устным творчеством народа, проживающего в Забайкалье, но и на формирование у подрастающего поколения представлений о сходстве и различии в мировоззрении народов России.

На значимость фольклорного наследия восточных эвенков, обращаясь к их дальневосточной ветви, указывает Л.Е. Фетисова: «Традиционный фольклор <...> эвенков представляет ценность и как самостоятельное явление локальной культуры, и как составная часть духовного наследия этноса в целом» [26, с. 152]. Исследователи выделяют схожие черты фольклора коренных народов Дальнего Востока, присущи они и фольклору эвенков: это «размытость жанровых границ, тесное взаимодействие близких форм, синcretизм бытования» [13, с. 272]. «Всю фольклорную прозу, за исключением бытовых рассказов, эвенки называют нимнгакан» [13, с. 272]. Г.М. Василевич отмечала, что нимнгакан — это «миф, сказка, героическое сказание, родовое предание, легенда» [6, с. 195], однако при более дробной характеристике жанра исследовательница переходит на европейскую классификацию: «В эвенкийском фольклоре представлены почти все жанры: <...> сказки (о животных, волшебные, бытовые, детские и юмористические)» [6, с. 4]. В данной статье будет использован традиционный для фольклористики термин — сказка (в том числе применяющийся и современными исследователями при определении жанров фольклора коренных народов, см., напр.: [5; 8; 9 и пр.]).

В сказке «Монгун» изображается многожёнство как один из форматов брачных отношений: «Жил на свете один богач. Было у него три жены. Одна жена старая, первая, любимая. Вторая — красивая, а третья — молодая» [10, с. 47]. Существование многожёнства у эвенков подтверждается этнографическими данными. Я.И. Линденгау, описывая семейные отношения эвенков в первой половине XVIII в. (тогда их именовали тунгусами), отмечал, что они «берут столько жен, сколько у них хватит состояния, чтобы заплатить калым и содержать жен, и все жены у них в одинаковом почете» [16, с. 87], однако не оставил без внимания и такой факт, как предпочтение одной жены прочим (в сказке тоже сделан на этом акцент): «При многих женах муж отдает предпочтение или самой работящей, или самой красивой, и у такой он обычно чаще бывает. Ей же приносит все добытое на охоте. Она же может по своему усмотрению уделять кое-что другим женам» [16, с. 89].

Г.М. Василевич, описывая быт эвенков XVIII — начала XX в., отмечала: «Двоежёнство среди эвенков было редким явлением, допускалось оно только в случае бездетности первой жены. Сказания и предания, а также материалы автора (Г.М. Василевич.— В.Д., Т.К.) указывают на существование отрицательного отношения к двоеженству. <...> Случаи многоженства, приводимые в литературе, имелись только у конных эвенков Забайкалья в среде „князей“, „шуленг“» [6, с. 156]. В этнографических исследованиях приводятся и статистические данные: на начало XX в. полигамных семей было 10—13% [13, с. 109]. Одним из условий женитьбы мужа на второй жене являлось согласие на многожёнство первой [13, с. 109].

В сказке представлены враждебные отношения между жёнами, причём виновными изображаются именно вторая и третья из них: «Жили жены между собою не дружно. Красивая и молодая не любили старую за то, что она у мужа любимой была. Извести ее захотели, да случая все не было» [10, с. 47]. Этнографические материалы свидетельствуют и о достоверности изображённых в сказке взаимоотношений между жёнами. Я.И. Линденау, описывая живущих у Удского острога тунгусов, отмечал и ревность между жёнами, и выяснение отношений в драке [16, с. 87]. Схожее поведение зафиксировал и П.И. Третьяков в 1871 г.: «Тунгусы-язычники, смотря по состоянию, имеют иногда двух и трех жен, которые из ревности постоянно враждуют друг против друга, и через это вынуждают иногда тунгуса колотить их немилосердно» [25, с. 71].

В рассматриваемой сказке муж собирается в поездку, и три жены обещают ему «сделать, подарить счастье» [10, с. 47]: первая — родить золотого сына Монгуна, две другие — «сшить лучшую на свете шубу» [10, с. 47] и «сшить бисерные бакари (унты)» [10, с. 47]. Если вторая и третья способны одарить мужа только материальными предметами, то первая является воплощением идеала эвенкийской жены: её подарок связан с продолжением рода. С.Е. Шамаева подчёркивает: «Только ребенок даст полноту бытия и будет конкретной формой бессмертия» [29, с. 45]. Это и становится причиной конфликта: из зависти вторая и третья жёны решают навредить первой.

Сказка отражает ряд элементов родильной обрядности, принятой у эвенков. К их числу относится рождение ребёнка в отдельном помещении: «Эвенкийки рожали в специальном чуме или палатке» [13, с. 111]. При этом в сказке говорится и о том, что готовили подобное помещение женщины: «Те две жены чум ей отдельный сделали <...>» [10, с. 47]. Пока роженица пребывала в беспамятстве, «глаза ей kleem заклеили злючки, чтобы не видела, кого родила» [10, с. 47], а ребёнка бросили в озеро. Так вторая и третья жёны нарушают мир в семье, вступая в конфликт с первой и пытаясь убить младенца.

Третья жена заворачивает в шкуру щенка и подаёт его матери. Эти элементы родильной обрядности связаны с тем, что, согласно традиционным представлениям эвенков, «родившегося ребенка обтирали мягкой шкуркой и заворачивали в одеяло, сшитое из заячьей шкуры или шкур пушных зверей с мягким мехом» [17, с. 60—61], «новорожденного <...> заворачивали в мягкую заячью шкурку» [13, с. 112]. Соблюдение, пусть и невольное, элемента родильной обрядности вредительницей приводит к тому, что Монгун вырастает сильным, смелым, храбрым, чутким, ловким, справедливым человеком (что характеризует его как настоящего эвенка). Неслучаен выбор и щенка для замены младенца: «<...> чтобы ребенок не болел, в нее (в колыбель.— В.Д., Т.К.) ненадолго клали щенка» [13, с. 112].

Первая жена была изгнана мужем, обманутым второй и третьей жёнами, показавшими ему сына-щенка. «Разозлился муж. Взял за руку свою любимую (*а та головешку с огнем незаметно в рукав к себе сунула*) и увел ее в тайгу. Там оставил. Живет она одна. Сделала чум себе» [10, с. 47]. Носителям традиционного сознания было понятно, насколько трудна борьба одного человека за жизнь. Поэтому в сказке говорится и об огне, и о строительстве чума. Не случайно первая жена огонь именно крадёт — это единственный возможный для неё способ добыть его. Причину её действий поясняют этнографические источники: «Тунгусъ никому не дасть огня изъ своего чума <...> — потому что <...> это грѣхъ» [20, с. 707].

Спустя несколько месяцев первая жена обнаружила детские следы, ведущие в воду, и «решила узнать, кто бы это был?» [10, с. 47]. Женщина делает маленький лук, оставляет его на берегу озера, и лук исчезает. Первый подарок, принятый ребёнком, служит подтверждением его пола. Маленький лук в культуре многих народов, в том числе и эвенков, был подарком для мальчика. «В 6—7 лет <...> мальчики <...> уже имели лук и стрелы для охоты на бурандуков и белок» [13, с. 113]. Затем первая жена мерит следы и шьёт унты и тоже оставляет их на берегу. Так она и встречает своего сына, который «ярче солнца блестит» [10, с. 47]. Мальчик, узнав, что родная мать от него не отказывалась, идёт жить к ней. Когда он дорос «до спины оленя» [10, с. 48], отправился «правду искать, злу мстить» [10, с. 48].

Выросший Монгун стал воплощением идеала эвенкийского мужчины. Это связано с тем, что его рождение происходило при испытании-инициации: одна из жён кидает мальчика в озеро, ребёнка берёт к себе и выкармливает таймень. По поверьям эвенков, эта рыба является одним из носителей шаманской души в водном пространстве [19, с. 315]. Таймень помогает человеку: воспитывает его, а после передаёт матери. Монгун демонстрирует преданность матери и любовь к ней, помогая ей и наказывая её обидчиков. Десять лет он ищет отцовский чум.

Герой накрывается берестой перед тем, как войти в чум отца и раскрыть всю правду. Береста, согласно верованиям эвенков, имела сакральное значение: считаясь священной, охраняла семью, род, противостояла злым силам [17, с. 27]. Монгун раскрывает правду иносказательно, как бы рассказывая сказку (но на самом деле — историю своей жизни). Этот приём усиливает сюжет, демонстрируя отношение Монгуна к другим жёнам своего отца: он их презирает, хочет обнародовать их злодеяние, а жёны его перебивают, останавливают и пытаются выгнать из дома.

Показателен интерес отца к сказке, которую рассказывает сын: «<...> красавая закричала на гостя: — Ой, иди отсюда! Хватит рассказывать! Спать пора! Отец на ноги встал, на нее крикнул: — Замолчи!

Пусть до конца говорит!» [10, с. 48]. Правда раскрылась, а зло наказано: «Побледнели злюки. Схватил их эвенк, ударил друг об друга. Из них дух вон, и сам тут же помер» [10, с. 48].

Но почему тогда умирает отец, если он собственоручно наказывает вторую и третью жену? Ответ можно найти в самой сказке: «Рассказали ему злюки про любимую жену. Щенка показали. Муж разозлился и прогнал свою любимую жену из дома» [10, с. 48]. Он продолжает злодеяние жён, поскольку изгоняет первую и таким образом прерывает семейную связь со своим сыном. В результате защитником рода становится не отец, как это должно было бы быть, а Монгун. Смерть отца — наказание за отречение от первой жены, хранительницы очага, давшей продолжение роду. В сказке представлена мораль, характерная для традиционного сознания: зло непременно будет наказано.

В сказке эвенков «Сила материнского молока» говорится о трёх сёстрах, которые мечтают о будущем замужестве. Как и в рассмотренном ранее тексте, здесь тоже идёт речь о форме брачных отношений, но если выше была представлена полигиния, то в данном случае — моногамия. Заключению брака предшествует выбор лучшей невесты. Достоинства жениха тоже указаны: «очень сильный и богатый парень» [10, с. 49], который «вдоль одной речки кочевал-охотился» [10, с. 49]. Охота была у эвенков одним из ведущих видов деятельности.

В сказке «Сила материнского молока» говорится о том, что парень встречает в лесу трёх девушек-сестёр: «И как только он их увидел, сразу решил на какой-то жениться» [10, с. 49]. Выбор жены связан с её умениями. Парень спрашивает у сестёр, что они могут делать, и одна из них говорит: «Из оленьего мяса разную еду умею делать» [10, с. 49]; вторая: «Унты и парку сразу пошить могу» [10, с. 49]. И только третья девушка, в отличие от двух предыдущих, описавших навыки создания материальных благ, говорит о способности другого рода: «Трех сыновей рожу. Кормить только своим молоком буду. Сильными богатырями вырастут» [10, с. 49]. При выборе невесты герой отдаёт предпочтение той, что способна родить много детей и самостоятельно выкормить их. Этот выбор имеет основу в традиционных представлениях эвенков. Г.М. Василевич отмечала: «Многодетность в эвенкийской семье всегда считалась благом, молодожёны старались как можно скорее обзавестись детьми» [6, с. 167]; «Многодетность у эвенков считалась счастьем, об этом мечтали молодые супруги, а бездетность — несчастьем» [6, с. 169]. Ценным представляется для парня и рождение трёх сыновей, способных продолжить род, к тому же мальчики были будущими кормильцами и поэтому «нужны были своей семье» [13, с. 106] больше девочек.

В сказке говорится о проживании молодых в отдельном чуме и о том, что в семье царит лад: «<...> хорошо живут, дружно» [10, с. 49],

сёстры живут в соседнем чуме. Проживание родственников рядом, в том числе и своячениц, было в традиции эвенков: например, в их семью в XIX в. «могли входить мать главы семьи, его неженатые братья и незамужние сестры, сестры жены, воспитанницы» [13, с. 111]. И во второй сказке представлены элементы родильной обрядности эвенков. Одним из них являлся запрет мужу присутствовать при родах («*В эти дни мужчине нельзя в стойбище оставаться. Он уехал на охоту*» [10, с. 49]). В родовспоможении участвовала пожилая, опытная женщина, этот элемент также отражён в сказке («*К жене принимать роды старуху позвали*» [10, с. 49]).

Сёстры имели доступ к роженице: они «*тоже пришли, взяли этого мальчика и богатому человеку отдали, а на его место в постель щенка положили*» [10, с. 49]. У эвенков существовал обычай отдавать ребёнка на воспитание: «В семьях эвенков воспитывались не только сироты, но и дети, имевшие живых родителей,— по причине их несостоятельности» [13, с. 106]. В сказке же налицо похищение ребёнка, отдача его на воспитание без ведома родителей (в начале сказки говорится о том, что парень был богат, значит, семья не нуждалась, причина отдать дитя отсутствовала).

Когда муж возвращается домой и интересуется, кого же родила жена, свояченицы показывают ему щенка. «*Он рассердился, взял этого щенка и оторвал ему голову*» [10, с. 50]. То же происходит и во второй раз. В третий раз вредительницы сообщают мужу, что родился слабый ребёнок, и тогда он решает избавиться от жены и сына: «*<...> поймал самого большого быка-оленя, зарезал, освежевал, из шкуры этого быка мешок пошил, посадил в него жену с ребенком, зашил мешок и бросил в большое озеро. Муж думал, что они утонут, а мешок по воде поплыл*» [10, с. 50]. Подобное поведение отца в некоторой степени соотносится с эвенкийским обычаем, связанным с разводом: «Дети при разводе остаются с отцом, но если он их выгоняет, то их берет к себе мать» [16, с. 89].

В эвенкийской сказке чудо быстрого роста ребёнка объясняется так: «*Мать кормит сына своим молоком, и парень по часам растет. Растет и растет, и пока к другому берегу доплыли, парень совсем вырос*» [10, с. 50]. Третий сын с помощью чудесного топора строит просторный чум, где они селятся с матерью. Тот факт, что с матерью остаётся именно младший сын, продиктован логикой сказки, но при этом имеет основание и в традиционной культуре эвенков: младший сын «считался кормильцем отца и матери и оставался с ними» [13, с. 105]; «Нетрудоспособную мать брал к себе на иждивение обычно младший сын» [6, с. 155].

Сюжетная линия братьев, которых родила третья жена, показывает силу традиционных семейных отношений, заботу и братскую любовь (что особенно очевидно в сопоставлении отношений между сёстрами): герой освобождает братьев от великаны, стерегущего

их («Парень посадил на Железную палку (волшебный предмет.—В.Д., Т.К.) своих братьев, сам сел, и они все вместе полетели к матери» [10, с. 51]). Она проявляет любовь и заботу и к старшим детям: «Увидела <...> сыновей живыми, обрадовалась и сразу стала кормить их своим молоком. Парни начали очень быстро вырастать, были здоровыми и сильными» [10, с. 51]. История матери и её детей заканчивается следующим образом: «Так они стали жить одной семьей. <...> Эти сыновья росли, стали сильными и ловкими богатырями, охотились и много диких оленей добывали» [10, с. 51].

Но сказка не оставляет без внимания и судьбу отца (о сёстрах же речи больше не идёт): «Их отец, поверивший сестрам жене, остался жить один» [10, с. 51]. Показательно, что о мести не говорится, поскольку вся вина возлагается на сестёр матери: «Парням никакого вреда он (отец.—В.Д., Т.К.) не делал. И они ему вреда не делали. Мать им рассказала, как сестры его обманули» [10, с. 51]. Так в сказке ответственность главы семьи за произошедшее отчасти сглаживается, поскольку он остаётся жив. Однако наказание всё же существует: мужчина обречён жить в одиночестве, без поддержки сыновей, тогда как с его женой остались их дети, выросшие сильными и ловкими богатырями. Т.Б. Уварова, исследуя быт нерчинских эвенков XVIII—XX вв., писала: «Обычным правом предусматривалось не только материальное обеспечение родителей всем необходимым, но и особо почтительное отношение к ним» [26, с. 114]. Этой части в исследуемом тексте удостаивается только мать. Очевидно, что сказка транслирует ещё одну значимую идею, ведь в ней говорится о способности человека прощать, забывать прошлое и радоваться долгожданному счастью, а заканчивается она такими словами: «Старые эвенки говорят: „Только от материнского молока дети сильными и здоровыми вырастают“» [10, с. 51].

Итак, исследованные эвенкийские сказки, близкие к сюжету 707 Чудесные дети, широко представленному в мировом фольклорном фонде, могут быть расценены как источник, зафиксировавший в художественной форме семейные реалии эвенков, что подтверждается этнографическими сведениями о семье и семейном быте данного народа первой половины XVIII — начала XX в. При этом текст конкретной сказки является своего рода отиском, на котором запечатлены те или иные этапы эволюции семейных отношений эвенков и пути разрешения семейных конфликтов.

Такие компоненты семейных отношений, как форматы брачных отношений, представления о членах семьи, их функциях и моделях поведения, элементы родильной обрядности, семейного быта способствуют развитию сюжета и формируют мотивно-образную систему сказок в рамках традиционного представления эвенков о семье, чётко соотносясь с логикой сказки. Формат брачных отношений оказывает влияние на выбор семейных ролей персонажей, вступающих

в конфликт; семейный быт и элементы родильной обрядности служат основанием для возникновения тех или иных моделей поведения; победителями выходят те, кто следует традиционным представлениям о семье и традиционным моделям поведения в ней.

Сказка отражает патриархальную модель семьи как норму. Традиционным сознанием осуждается не формат брачных отношений (полигиния или единобрачие), а разрушение нормальных отношений в семье. Многожёнство, согласно традиционным представлениям эвенков, в идеале должно было способствовать укреплению семьи. Но если между жёнами не было мира, то она разрушалась. Приоритетной целью семьи является продолжение рода, рост материального благополучия вторичен.

Эволюция как формата семьи, так и семейных отношений (а в сказках показано их разрушение и частичное восстановление) напрямую связана с соблюдением/укреплением правильных (с точки зрения традиционных представлений эвенков) отношений между членами семьи. Если формат правильных отношений в существующей модели семьи не соблюдается, то она подлежит изменению. Семейные отношения восстанавливаются только с достойными родственниками. Ценностью для эвенков является именно крепкая семья, поэтому те из персонажей, кто разрушает её, в finale наказываются смертью или исключаются из семьи. Только тот родитель заслуживает в старости заботы ребёнка, который сам заботился о нём.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Андреева А.И. Эвенкийская сказка о животных: к проблеме структуры (на примере сказки «Дятел») // Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: диалог культур: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.А. Бердникова. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. С. 15—16.
2. Арчакова О.Б. «Свой — чужой» в мифологическом сознании эвенков // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 63—66.
3. Арчакова О.Б., Трифонова Л.Л. Мифологическое переосмысление реалий новой культуры (на примере эвенкийских сказок) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 46. С. 41—43.
4. Бурыкин А.А. Лебеди и журавли в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов Азии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. Серия: Эпосоведение. 2020. № 3 (19). С. 5—13.
5. Варламов А.Н., Варламова Г.И. Эпос и богатырская сказка в эпической традиции восточных эвенков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (11). С. 38—40.

6. Васильевич Г.М. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
7. Васильева Н.П. Этнопедагогическое воспитание эвенков путём народных знаний и фольклора // Языки и литературы народов Северо-Востока России: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. тр. к 100-летию со дня рождения эвенского поэта и писателя, педагога, автора первого эвенского романа «Дух земли», заслуженного работника культуры Якутской АССР, члена Союза писателей СССР Платона Афанасьевича Степанова-Ламутского / отв. ред. А.А. Винокурова. Якутск: Сахаада, 2022. С. 189—191.
8. Воробьёва О.А. Структурно-семантический анализ эвенкийской сказки «Одинокий богатырь» // I Сибирский форум фольклористов: тез. докл. / отв. ред. Е.Н. Кузьмина. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2016. С. 49—51.
9. Гладких Е.А. Волшебные сказки эвенков трансграничного региона Забайкалье — Северный Китай: сравнительно-сопоставительный анализ (на материале фольклорных текстов «Бегалдар» и «Сказание о хребте синъаньлинь») // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 7. С. 82—89.
10. Джолдошева В.М. «По следам эвенкийских сказок»: рабочая тетрадь. 5—6 кл. Чита, 2021. 60 с.
11. Дьяконова М.П. Фольклорная терминология эвенков и эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-1 (40). С. 65—69.
12. Жиганова М.И. Особенности семейных отношений, отражённые в казачьих сказках // Современное казачество России и его роль в совершенствовании гражданско-патриотического, духовно-нравственного, культурно-исторического воспитания казаков и подрастающего поколения. Опыт, традиции в подготовке молодёжи к службе Отечеству: материалы всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием / ред. Г.С. Зайцев, В.И. Степанченко, И.В. Смирнов. Тюмень: Печатник, 2019. С. 86—91.
13. История и культура дальневосточных эвенков: ист.-этногр. очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2010. 334 с.
14. Колесников С.В. Эвенкийские бабушкины сказки // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языка и культуры эвенков России и ороочонов Китая: материалы VIII Всеросс. национ. науч.-метод. видеоконф. (с междунар. участием) и материалы круглого стола / отв. ред. О.Н. Морозова. Благовещенск: АмГУ, 2020. С. 209—213.
15. Краюшкина Т.В. Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках. Владивосток: Дальнаука, 2005. 204 с.
16. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): ист.-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подг. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовиной. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
17. Мазин А.П. Традиционные верования и обряды эвенков-ороочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 205 с.
18. Марфусалова В.П., Чапогир Л.С. Образовательная ценность сказок народов Севера в обучении младших школьников (на примере эвенкийских сказок) // Мир образования — образование в мире. 2017. № 2 (66). С. 109—114.

19. Меркель Е.В., Ядреева Л.Д., Яковлева Л.А. Традиционное природопользование эвенков в топонимах Южной Якутии (на примере рыболовного промысла) // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2А. С. 312—319.
20. Миддендорфъ А. Путешествие на съверъ и восток Сибири. Ч. II. Съверъ и востокъ Сибири въ естественно-историческом отношении. Отдѣль IV. Коренные жители Сибири. СПб., 1878. 856 с.
21. Мокрицкая У.О. Воспитательное значение народных сказок для младших школьников (на примере эвенкийских народных сказок) // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сб. материалов II науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.Н. Розанова. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2021. С. 237—244.
22. Мордовина Л.В., Пеньков Р. Семантика семьи и семейных отношений в мифе и сказке // Аналитика культурологии. 2009. № 2 (14). С. 88—89.
23. Савина С.Н. Репрезентация традиционных семейных отношений в мордовском устном народном творчестве (на материале сказок) // Богатство финно-угорских народов: материалы V Междунар. финно-угорского студенч. форума / отв. ред. Р.И. Чузаев. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2018. Вып. 5. С. 253—255.
24. Сказки Забайкальского Севера, записанные М.Л. Пинегиной / под ред. Н.И. Баstryкиной, М.А. Максименко. Новая Чара: Каларский историко-краеведческий музей, 2019. 200 с.
25. Третьяков П.И. Турханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1871. 316 с.
26. Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII—XX веках. М.: ИНИОН РАН, 2005. 164 с.
27. Указ Президента Российской Федерации «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (от 9 ноября 2022 г., № 809). Владивосток, 2024. 15 с.
28. Фетисова Л.Е. Повествовательный фольклор коренных народов Амуро-Сахалинского региона: своеобразие и взаимодействие традиций. Владивосток: Дальнаука, 2018. 204 с.
29. Шамаева С.Е. Апология сказки. Воронеж: Левый берег, 1996. 270 с.
30. Яковлева М.П. Иноэтнические характеристики в образе богатыря ча-никола в эвенкийском сказании «Дулин Буга Торгандунин» // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-6. С. 1352—1355.

REFERENCES

1. Andreeva A.I. Evenkiyskaya skazka o zhivotnykh: k probleme strukturny (na primere skazki «Dyatel») [The Evenk Fairy Tale about Animals: On the Problem of Structure (A Case Study of the Fairy Tale “Woodpecker”)]. *Russkiy jazyk i literatura v sovremennom obrazovatel’nom prostranstve: dialog kul’tur:* sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Russian Language and Literature in the Modern Educational Space: Dialogue of Cultures: Proceedings of the International Applied Science Conference]. Ed. by T.A. Berdnikova. Cheboksary, Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plus» Publ., 2018, pp.15—16. (In Russ.)
2. Archakova O.B. «Svoi—chuzhoy» v mifologicheskem soznanii evenkov [“Self—Other” in the Mythological Consciousness of the Evenks]. *Vestnik*

- Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*, series “Gumanitarnye nauki”, 2010, no. 48, pp. 63—66. (In Russ.)
3. Archakova O.B., Trifonova L.L. Mifologicheskoe pereosmyslenie realiy novoy kul'tury (na primere evenkiyskikh skazok) [Mythological Reinterpretation of the Realities of a New Culture (A Case Study of Evenk Fairy Tales)]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*, series “Gumanitarnye nauki”, 2009, no. 46, pp. 41—43. (In Russ.)
 4. Burykin A.A. Lebedi i zhuravli v fol'klore kalmykov, drugikh mongoloyazychnykh narodov i narodov Azii [Swans and Cranes in the Folklore of the Kalmyks, Other Mongolian-Speaking Peoples and the Peoples of Asia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, series “Eposovedenie”, 2020, no. 3 (19), pp. 5—13. (In Russ.)
 5. Varlamov A.N., Varlamova G.I. Epos i bogatyrskaya skazka v epicheskoy traditsii vostochnykh evenkov [Epic and Heroic Fairy Tales in the Epic Tradition of the Eastern Evenks]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no. 4 (11), pp. 38—40. (In Russ.)
 6. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII—nachalo XX v.)* [Evenks. Historical and Ethnographic Essays (the 18th—the Early 20th Centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
 7. Vasil'eva N.P. Etnopedagogicheskoe vospitanie evenkov putem narodnykh znanii i fol'klora [Ethnopedagogical Education of the Evenks through Folk Knowledge and Folklore]. *Yazyki i literatury narodov Severo-Vostoka Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*: sb. nauch. tr. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya evenskogo poeta i pisatelya, pedagoga, avtora pervogo evenskogo romana «Dukh zemli», zasluzhennogo rabotnika kul'tury Yakutskoy ASSR, chlena Soyuza pisateley SSSR Platona Afanas'evicha Stepanova-Lamutskogo [Languages and Literature of the Peoples of the North-East of Russia: Current State and Prospects for Development: Collected Scientific Works on the 100th Anniversary of the Birth of the Even Poet and Writer, Teacher, Author of the First Even Novel “Spirit of the Earth”, Honored Worker of Culture of the Yakut ASSR, Member of the USSR Writers’ Union Platon Afanasevich Stepanov-Lamutsky]. Ed. by A.A. Vinokurova. Yakutsk, Sakhaada Publ., 2022, pp. 189—191. (In Russ.)
 8. Vorob'eva O.A. Strukturno-semanticheskiy analiz evenkiyskoy skazki «Odnokiy bogatyr» [Structural and Semantic Analysis of the Evenki Fairy Tale “The Lonely Hero”]. *I Sibirskiy forum fol'kloristov: tez. dokl.* [The First Siberian Forum of Folklorists: Abstracts]. Ed. by E.N. Kuz'mina. Novosibirsk, In-t filologii SO RAN Publ., 2016, pp. 49—51. (In Russ.)
 9. Gladkikh E.A. Volshebnye skazki evenkov transgranichnogo regiona Zabaykal'e—Severnyy Kitay: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz (na materiale fol'klornykh tekstov «Begaldar» i «Skazanie o khrebte sin'an'lin'») [Fairy Tales of the Evenks of the Transboundary Region of Transbaikalia—Northern China: Comparative and Contrastive Analysis (Based on the Folklore Texts “Begaldar” and “The Tale of the Xin'anlin Ridge”)]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*, 2024, no. 7, pp. 82—89. (In Russ.)
 10. Dzholdosheva V.M. «Po sledam evenkiyskikh skazok»: rabochaya tetrad'. 5—6 kl. [Workbook “In the Footsteps of Evenki Fairy Tales”. Grades 5—6]. Chita, 2021, 60 p. (In Russ.)
 11. D'yakonova M.P. Fol'klornaya terminologiya evenkov i evenov [Folklore terminology of the Evenks and Evens]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 10-1 (40), pp. 65—69. (In Russ.)

12. Zhiganova M.I. Osobennosti semeynykh otnosheniy, otrazhennye v kazach'ikh skazkakh [Features of Family Relations Reflected in Cossack Tales]. *Sovremennoe kazachestvo Rossii i ego rol' v sovershenstvovanii grazhdansko-patrioticheskogo, dukhovno-nravstvennogo, kul'turno-istoricheskogo vospitaniya kazakov i podrastayushchego pokoleniya. Opyt, traditsii v podgotovke molodezhi k sluzhbe Otechestvu: materialy vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem [Modern Cossacks of Russia and Their Role in Improving the Civic-Patriotic, Spiritual-Moral, Cultural-Historical Education of the Cossacks and the Younger Generation. Experience, Traditions in Preparing Young People for Service to the Fatherland: Proceedings of the All-Russian Applied Science Conference with International Participation].* Ed. by G.S. Zaytsev, V.I. Stepanchenko, I.V. Smirnov. Tyumen', Pechatnik Publ., 2019, pp. 86—91. (In Russ.)
13. *Istoriya i kul'tura dal'nevostochnykh evenkov: ist.-etnogr. ocherki [History and Culture of the Far Eastern Evenks: Historical and Ethnographic Essays]*. Ed. by V.A. Turaev. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2010, 334 p. (In Russ.)
14. Kolesnikov S.V. Evenkiyskie babushkiny skazki [Evenki Grandmother's Tales]. *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshikh i srednikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape. Problemy sokhraneniya yazyka i kul'tury evenkov Rossii i orochonov Kitaya: materialy VIII Vseross. natsion. nauch.-metod. videokonf. (s mezhdunar. uchastiem) i materialy kruglogo stola [Teaching a Foreign Language to Students of Higher and Secondary Educational Institutions at the Current Stage. Problems of Preserving the Language and Culture of the Evenks of Russia and the Orochons of China: Proceedings of the Eighth All-Russian National Scientific and Methodological Video Conference (with International Participation) and Materials of the Round Table].* Ed. by O.N. Morozova. Blagoveshchensk, AmGU Publ., 2020, pp. 209—213. (In Russ.)
15. Krayushkina T.V. *Mir semeynykh otnosheniy v russkikh narodnykh volshebnykh skazkakh [The World of Family Relations in Russian Folk Fairy Tales]*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005, 204 p. (In Russ.)
16. Lindenau Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): ist.-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the Peoples of Siberia (the First Half of the 18th Century): Historical and Ethnographic Materials on the Peoples of Siberia and the North-East]*. Translated from German Language, Text Preparation, Comments and Introduction by Z.D. Titova, ed. by I.S. Vdovin. Magadan, Kn. izd-vo Publ., 1983, 176 p. (In Russ.)
17. Mazin A.P. *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX—nachalo XX v.) [Traditional Beliefs and Rituals of the Evenks-Orochons (the Late 19th—the Early 20th Centuries)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 205 p. (In Russ.)
18. Marfusalova V.P., Chapogir L.S. *Obrazovatel'naya tsennost' skazok narodov Severa v obuchenii mladshikh shkol'nikov (na primere evenkiyskikh skazok) [The Educational Value of Fairy Tales of the Peoples of the North in Teaching Primary School Pupils (A Case Study of Fairy Tales)]*. *Mir obrazovaniya—obrazovanie v mire*, 2017, no. 2 (66), pp. 109—114. (In Russ.)
19. Merkel' E.V., Yadreeva L.D., Yakovleva L.A. *Traditsionnoe prirodopol'zovanie evenkov v toponimakh Yuzhnoy Yakutii (na primere rybolovnogo promysla) [Traditional Nature Management of the Evenks in the Toponyms of Southern Yakutia (A Case Study of Fishing Industry)]*. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2017, vol. 7, no. 2A, pp. 312—319. (In Russ.)

20. Middendorf" A. *Puteshestvie na s̄ver i vostok Sibiri. Ch. II. S̄ver i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskem otnoshenii. Otdel IV. Korennye zhitieli Sibiri* [The Journey to the North and East of Siberia. Part II. The North and East of Siberia in Natural-Historical Relation. Section IV. Indigenous Peoples of Siberia]. Saint Petersburg, 1878, 856 p. (In Russ.)
21. Mokritskaya U.O. Vospitatel'noe znachenie narodnykh skazok dlya mладshikh shkol'nikov (na primere evenkiyskikh narodnykh skazok) [Educational Significance of Folk Tales for Primary School Pupils (A Case Study of Evenki Folk Tales)]. *Mnogonatsional'naya Rossiya: vchera, segodnya, zavtra: sb. materialov II nauch.-prakt. konf.* [Multinational Russia: Past, Present, Future: Proceedings of the Second Applied Science Conference]. Ed. by N.N. Ruzanova. Smolensk, Smolenskiy gos. un-t Publ., 2021, pp. 237—244. (In Russ.)
22. Mordovina L.V., Pen'kov R. Semantika sem'i i semeynykh otnosheniy v mifie i skazke [Semantics of Family and Family Relations in Myth and Fairy Tale]. *Analitika kul'turologii*, 2009, no. 2 (14), pp. 88—89. (In Russ.)
23. Savina S.N. Reprezentatsiya traditsionnykh semeynykh otnosheniy v mordovskom ustnom narodnom tvorchestve (na materiale skazok) [Representation of Traditional Family Relations in Mordovian Oral Folklore (A Case Study of Fairy Tales)]. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov: materialy V Mezhdunar. finno-ugorskogo studench. foruma* [Wealth of the Finno-Ugric Peoples: Proceedings of the Fifth International Finno-Ugric Student Forum]. Ed. by R.I. Chuzaev. Yoshkar-Ola, Mariyskiy gos. un-t Publ., 2018, iss. 5, pp. 253—255. (In Russ.)
24. *Skazki Zabaykal'skogo Severa, zapisанные M.L. Pineginoy* [Fairy Tales of the Transbaikal North Recorded by M.L. Pinegina]. Ed. by N.I. Bastrykina, M.A. Maksimenko. Novaya Chara, Kalarskiy istoriko-kraevedcheskiy muzey Publ., 2019, 200 p. (In Russ.)
25. Tret'yakov P.I. *Turukhanskiy kray, ego priroda i zhitieli* [The Turukhansk Region, Its Nature and Inhabitants]. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K° Publ., 1871, 316 p. (In Russ.)
26. Uvarova T.B. *Nerchinskie evenki v XVIII—XX vekakh* [The Nerchinsk Evenks in the 18th—20th Centuries]. Moscow, INION RAN Publ., 2005, 164 p. (In Russ.)
27. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii «Osnovy gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh duchovno-nravstvennykh tsennostey» (ot 9 novyabrya 2022 g., № 809)* [Decree of the President of the Russian Federation “Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” (November 9, 2022, No. 809)]. Vladivostok, 2024, 15 p. (In Russ.)
28. Fetisova L.E. *Povestvovatel'nyy fol'klor korennyykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona: svoeobrazie i vzaimodeystvie traditsiy* [Narrative Folklore of the Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region: Uniqueness and Interaction of Traditions]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 204 p. (In Russ.)
29. Shamaeva S.E. *Apologiya skazki* [Apology for a Fairy Tale]. Voronezh, Levyy bereg Publ., 1996, 270 p. (In Russ.)
30. Yakovleva M.P. Inoetnicheskie kharakteristiki v obraze bogatyrya chanikola v evenkiyskom skazanii «Dulin Buga Torgandunin» [Ethnic Characteristics in the Image of the Hero Chanikol in the Evenki Tale “Dulin Buga Torgandunin”]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2014, no. 12-6, pp. 1352—1355. (In Russ.)